

**Санкт-Петербургский государственный университет
Исторический факультет
Кафедра истории древней Греции и Рима
Центр антиковедения**

МНЕМОН

**Исследования и публикации по истории
античного мира
Под редакцией профессора Э.Д. Фролова**

Выпуск 7

**Санкт-Петербург
2008**

В.В. Селиванов

Вяч. И. Иванов и Н.Я. Марр в жизни и творческой судьбе К.М. Колобовой (часть III)

Кафедра истории Древней Греции Института истории рабовладельческого общества ГАИМК АН СССР

В 1932 году К.М. Колобова на три месяца раньше срока завершает свою учебу в аспирантуре и зачисляется на должность старшего научного сотрудника на кафедру, к которой она была прикреплена как аспирантка. Начинается работа по заданию и плану кафедры. В 30-е годы она публикует свои новые работы¹. Они рождались в напряженной атмосфере творческих дискуссий и споров, что создавало особенно острое ощущение живого движения науки, ее мощного пробуждения.

Создание ГАИМК и организация его работы – одно из важнейших событий в истории сохранения кадров и развития гуманитарных исследований в Советской России. И невозможно опаривать тот факт, что именно благодаря огромной подвижнической деятельности Н.Я. Марра возник центр, который не только собрал вокруг себя практически все основные научные гуманитарные кадры страны, но и бережно сохранил в пределах возможного отечественную гуманитарную науку. При поддержке академика С.А. Жебелева как товарища председателя ГАИМК во вто-

¹ К вопросу о роли денег у Аристотеля // Проблемы истории материальной культуры, 1933, № 3-4; К вопросу о судовладении в Древней Греции // Известия Государственной Академии истории материальной культуры, 1933, вып. 61; Античный способ производства в источниках // Известия Государственной Академии истории материальной культуры, 1933, вып. 78, в соавт.; Издольщина в Аттике // Проблемы истории докапиталистических обществ, 1934, № 11-12; К вопросу о структуре греческого рода в период образования Афинского государства // Проблемы истории докапиталистических обществ, 1934, № 11-12.

рой половине 20-х годов, а также других сотрудников Академии, в ГАИМК была собрана блестящая плеяда ученых, фактически определившая на долгие годы плодотворное развитие гуманитарных наук в нашей стране. В 20-е годы ГАИМК становится подразделением Российской Академии наук как ведущий гуманитарный центр, сохранивший традиции гуманитарного знания России, ее научные школы. В составе ГАИМК, его Московского отделения к 1934 году состояли почти все крупные ученые в области гуманитарных дисциплин, многие из них – с мировой известностью. Так, в составе ГАИМК в эти годы были академики В.В. Бартольд, Б.Д. Греков, С.А. Жебелев, Н.Я. Марр, И.И. Мещанинов, С.Ф. Ольденбург, И.А. Орбели, А.Н. Самойлович, В.В. Струве, С.П. Толстов, А.И. Тюменев, а также – руководители подразделений и сотрудники ГАИМК'а – В.С. Адрианов, М.С. Альтман, В.Б. Аптекарь (Москва), А.В. Арциховский (Москва), О.Н. Бадер (Москва), А.Н. Бернштам, С.В. Бессонов (Москва), Н.Н. Библин, Б.Л. Богаевский, П.И. Борисковский, А.Я. Брюсов (Москва), С.Н. Быковский, С.Н. Валк, Х.Г. Габидулин (Москва), В.Ф. Гайдукевич, В.А. Городцов (Москва), Б.Н. Граков (Москва), Н.П. Грацианский (Москва), Э.Д. Гримм, Г.Ф. Дебец, П.П. Ефименко, Н.Н. Залесский, С.Н. Замятнин, А.М. Золотарев (Москва), В.Ф. Зыбковец, А.А. Иессен, А.Г. Иоаннисян (Москва), Е.Г. Кагаров, Б.В. Казанский, С.И. Капошина, М.К. Каргер, С.Д. Кацнельсон, К.М. Кипарисов, Т.Н. Книпович, С.И. Ковалев, К.М. Колобова, М.В. Косвен (Москва), Е.А. Косминский (Москва), О.О. Крюгер, С.Г. Лозинский, В.В. Мавродин, Л.А. Мацулевич, А.В. Мачинский, В.А. Миханкова, А.В. Мишулин (Москва), М.В. Нечкина (Москва) В.К. Никольский (Москва), А.П. Окладников, Т.В. Пассек (Москва), А.Б. Пиотровский, Б.Б. Пиотровский, А.Г. Пригожин, В.И. Равдоникас, Л.Л. Раков, К.К. Романов, В.И. Селиванов, С.А. Семенов, И.Л. Снегирев, С.А. Токарев (Москва), К.В. Тревер, П.Н. Третьяков, А.Д. Удальцов (Москва), А.А. Флоренский, А.В. Шмидт, А.В. Штраух, П.Н. Шульц, А.Ю. Якубовский и многие другие.

В состав ГАИМК также входили и представители регионов, являвшихся малыми центрами активно проводимых исследований, в некоторых случаях филиалами ГАИМК в Баку (Б.Н. Тихомиров), Киеве (Ф.Н. Молчановский), Минске (П.О. Горин, Н.М. Никольский), Пскове (В.А. Богусевич), Ростове-на-Дону (Б.В. Лунин), Саратове (П.С. Рыков), Сталинграде (Г.М. Минае-

ва), Тифлисе (Г.К. Ниорадзе, Б.А. Фингерт), Харькове (А.С. Кацевалов), Херсонесе (Г.Д. Белов), Эриване (Е.А. Байбуртян), даже в мало известных Ромнах (С.Ф. Козлов) и Малмыже (М.Г. Худяков). Все они считались активными участниками главного теоретического журнала ГАИМК «Проблемы истории докапиталистических обществ».

В ГАИМК'е были созданы не только условия для принятия эстафеты от старшего поколения новым поколением ученых, но и условия дальнейшего развития гуманитарных наук. А социальная реальность в СССР 20-х – 30-х годов состояла из острых противоречий, которые приносили в труд, жизнь и судьбы ученых-гуманитариев много нелегких проблем и трагических потрясений. Н.Я., не отказываясь ни от одной должности, ни от одного поста в развивающемся обществе, тем самым защищал и прикрывал собой свое любимое детище – ГАИМК, делая его наименее доступным для необоснованных репрессий.

Создание Н.Я. Марром этого замечательного и по-своему легендарного учреждения, в котором были собраны в самые трудные для России годы практически почти все гуманитарии и – мало того – включены в активную творческую работу, было почти что чудом. И в немалой степени накопленный Н.Я. авторитет, сложившееся к нему доверие со стороны власти позволяли успешно работать этому коллективу, защищенному, по мере возможностей, не только в свободе научных поисков, но порой и в самой жизни сотрудников. Все это вместе дает основание глубоко уважать и ценить Н.Я. не только как ученого, но и как тонкого политика и организатора науки.

И К.М. хорошо понимала это. Но, конечно, заслуги Н.Я. Марра перед гуманитарной наукой не менее значительны и как ученого – неслучайно в журнале «Проблемы истории докапиталистических обществ» (1935, № 3-4), посвященном памяти Н.Я., его деятельность оценивалась с разных сторон, учитывая как комплексность, так и масштабность проведенных Н.Я. исследований². Вряд ли

² См.: Мещанинов И.И. Н.Я. Марр как лингвист // Проблемы истории докапиталистических обществ, 1935, № 3-4, с.20-28; Иоаннисян А.Г. Н.Я. Марр как историк // Там же, с.29-42; Самойлович А.Н. Н.Я. Марр как востоковед // Там же, 43-49; Орбели И.А. Н.Я. Марр как археолог // Там же, с.50-61. К этим статьям можно было бы прибавить и публикации, оценивающие его вклад в развитие этнологии, вузовской педагогики, постановку отдельных философских проблем, комплексного изучения культуры и др.

возможно оценивать вклад Н.Я. в развитие отечественной науки исключительно исходя из той критики, которая была организована группой грузинских, московских и ленинградских лингвистов и поддержана И.В. Сталиным³. Но эта критика захватывает лишь один частный вопрос о том, к какой категории предметного знания следует относить язык. Вопрос этот достоин и сегодня дискуссии, в то время как даже постоянные критики Н.Я. Марра, прежде всего – опять же – его «нового учения о языке», яфетидологии, вынуждены соглашаться, что в других областях научной деятельности он внес немалый вклад в отечественную и мировую науку⁴. В то же время тексты, написанные, как правило, по команде «сверху» как эпизоды общей кампании «очистения языкознания от марризма» нельзя принимать всерьез и оценивать как научные произведения⁵.

ГАИМК был не только научным учреждением, но и по-своему родным домом для многих гуманитариев. Здесь отмечались и дни рождения, и браки, и рождение детей у научных сотрудников, живших если не всегда дружной, то, по крайней мере, весьма сплоченной семьей. В этом семейном кругу ГАИМК'а К.М. в 1933 году обрела мужа, с которым была неразлучна (если не считать годы войны) всю свою жизнь. Ее муж тоже был гаимковцем – научным сотрудником и ученым секретарем ГАИМК, «правой рукой» Н.Я.Марра, как о нем говорили коллеги.

Селиванов Владимир Иванович, муж К.М., родился 16 апреля 1896 года в Воронеже, в потомственной дворянской семье. Его отец в чине генерала участвовал в русско-турецкой войне и освобождал Болгарию от турецкой оккупации, имел много орденов и медалей. По профилю своих занятий он был известным в Воронеже врачом и имел титул почетного гражданина города Воронежа. Мать В.И. была из потомственной дворянской семьи. Высоко образованная женщина, она всю свою жизнь посвятила воспитанию детей и своему мужу. В семье было пятеро детей – трое

³ См.: Сталин И.В. Марксизм и вопросы языкознания. М., Госполитиздат, 1950;

⁴ Большие заслуги Н.Я. Марра перед отечественной наукой признают даже его постоянные критики; см., напр.: Алпатов В.М. История одного мифа: Марр и марризм. М., 2004, с.8-11.

⁵ См., напр.: Вопросы диалектического и исторического материализма в труде И.В.Сталина «Марксизм и вопросы языкознания. М., изд. АН СССР, 1952, вып.2.

мальчиков и две девочки. Так случилось, что обе девочки, выйдя замуж, стали москвичками, имели свои успешные семьи, их дети, внуки и правнуки и в наши дни живут и работают в Москве, имея самые различные специальности; среди них есть геологи, инженеры, писатели, переводчики, представители других профессий.

Среди мальчиков В.И. был самым младшим. Старший брат Вениамин стал, как и его отец, врачом. Он возглавлял одну из клиник в Воронеже, пережил немецкую оккупацию и после освобождения города остался при должности главврача клиники. Средний брат Николай был морским офицером по инженерной службе, жил в Петербурге, был женат, детей не имел и погиб вместе с супругой в Ленинграде в 1943 году во время блокады. Младший Владимир в 1914 году поступил в Петроградский университет на исторический факультет, но в связи с началом Первой мировой войны все студенты-первокурсники были мобилизованы и отправлены на фронт. Матери В.И., имевшей большие связи среди высокопоставленных военных, удалось для сына выхлопотать направление в морскую школу прапорщиков, которую В.И. окончил в феврале 1917 года. Последним указом Николая II он вместе с другими курсантами получил первое офицерское звание прапорщика, принял присягу на верность Временному правительству и был отправлен на должность командира батареи береговой обороны на о. Гогланд в Финском заливе на линии защиты Петрограда от вторжения немецкого флота.

После победы Октябрьской революции воинская часть, в которой служил В.И., была расформирована, В.И. был переведен в Петроград, что дало возможность закончить Библиотечный институт⁶ и – в соответствии с новым образованием – в 1923 году перейти на работу в ГАИМК в качестве научного сотрудника и ученого секретаря при Н.Я. Марре, В плане научно-исследовательской работы он издал полную библиографию русских изданий литературы о декабристах, основной исследовательской темой у В.И была история революционного движения на Балтийском флоте⁷. Позже, когда

⁶ Позже, уже в послевоенные годы, В.И. получает второе высшее образование – заканчивает исторический факультет Ленинградского государственного университета по кафедре истории СССР.

⁷ См.: Селиванов В.И.: 1) Декабристы: 1825-1925. Систематический указатель русской литературы. М., 1925; 2) Июльские дни и флот. // Красный флот, 1925, № 7 (июль); 3) Матрос Матюшенко. М., Изд. политкаторжан, 1928; 4) Матрос Петров. М., Изд. политкаторжан, 1928; 5) Моряки – народоволь-

после кончины Н.Я. Марра председателем ГАИМК стал Л.А. Орбели, в 1938 году В.И. был вновь призван на военную службу в канун Финской кампании (советско-финской войны 1939-1940 гг.), участвовал в военных действиях на Карельском фронте, а затем и в Великой Отечественной войне в составе исторического отдела Генерального штаба Военно-морского флота, участвовал в военных операциях на Северном море, был награжден орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией» и «За победу над Японией», юбилейными медалями. После войны В.И. был назначен заместителем начальника Центрального Военно-морского архива, после демобилизации работал учителем и директором в одной из школ Ленинграда.

Он мало рассказывал о Н.Я. Марре, но всегда с особым удовольствием вспоминал ГАИМК, сотрудников Академии, а также напряженный ритм работы, который задавал Н.Я. Марр. Его не раз вспоминали и В.В. Струве, и М.А. Артамонов, и П.И. Борисковский, и В.Ф. Гайдукевич, и М.К. Каргер, и В.В. Мавродин и многие другие, с кем ему довелось сотрудничать и вместе работать. К сожалению, Владимир Иванович не оставил никаких воспоминаний, да и время было тяжелое и до и после войны, рукописи хранить было опасно: могли быть аресты. Он и так в послевоенное время пострадал, ибо был обвинен в том, что никому не сообщил о положительных оценках Л.Д. Троцкого его бывшим начальником генералом Кругловым. Кто-то донес, и генерала уволили и перевели на другую работу, Владимира Ивановича за то, что он не донес, демобилизовали.

Будучи ученым секретарем ГАИМК'а, В.И. был постоянным помощником Н.Я. в организационной деятельности, выполнял поручения по контролю за своевременным выполнением планов научной работы в ГАИМК'е, оформлял и подписывал годовые отчеты о деятельности ГАИМК, неизменно привлекался В.И. к организации и проведению Пленумов ГАИМК'а, Всесоюзных и Международных научных конгрессов и конференций, симпозиумов и заседаний. Главный биограф Николая Яковлевича, научный сотрудник ГАИМК'а В.А. Миханкова высоко ценила глубокие знания Владимира Ивановича о методах и стиле работы Н.Я. Издав в 1935 году

цы. М., Изд. политкаторжан, 1929. В период военных действий и в послевоенное время он публиковал отдельные статьи и документы по истории флота, некоторые из которых, включавшие анализ боевых операций на Северном и Балтийском морях, были засекречены и в открытой печати не издавались.

солидную монографию о жизни и деятельности Н.Я., она преподнесла ее и Владимиру Ивановичу с характерной дарственной надписью: «Владимиру Ивановичу Селиванову, лучше понявшему стиль работы Николая Яковлевича, чем многие, годами с ним работавшие. В. Миханкова. 20.XII.1935 г.». Эта дарственная надпись подчеркивала то уважение, которое она имела к главному помощнику и «правой руке» Н.Я. В 1948 году, после окончания Великой Отечественной войны, возвращаясь к мирному времени, В.А.Миханкова переиздала монографию о Н.Я., дополнив ее новыми материалами. В этот раз автор преподнесла экземпляр книги уже не только Владимиру Ивановичу, но и Ксении Михайловне с надписью: «Ксении Михайловне для строгой критики и Владимиру Ивановичу для снисходительной. В. Миханкова. 30.XI.48.».

Возможно, что при написании и подготовке как первого, так и второго издания монографии В.А. Миханкова консультировалась с В.И., который всегда выделял высокую трудоспособность Н.Я, его требовательность к себе и другим, неутомимость в работе, особенности организации его труда, его отношения к людям, его характера. В домашнем обиходе и в отношениях между Ксенией Михайловной и Владимиром Ивановичем всегда сохранялось трепетное отношение к памяти Н.Я. И, возможно, то, что и Владимир Иванович и Ксения Михайловна были гаимковцами в самые трудные и самые творческие годы этого замечательного научного центра, явилось важным элементом их взаимопонимания, близости и пожизненного сотрудничества. И Владимир Иванович и Ксения Михайловна тяжело пережили кончину Н.Я. и бережно сохраняли на протяжении всей своей жизни память о нем, с благодарностью вспоминая все то, что он и созданный им ГАИМК вольно или невольно внесли в их внутренний мир, духовный опыт и жизненные судьбы. А около письменного стола Ксении Михайловны в ее домашнем кабинете на известной античниках квартире № 19 в доме № 6 по улице Плеханова (ныне Казанской) всегда висела фотография Николая Яковлевича Марра в профиль, выступающего в аудитории.

Задача, поставленная Н.Я. Марром перед ГАИМК в деле подготовки молодых специалистов по комплексу гуманитарных наук, решалась в ГАИМК'е путем проведения широких научных дискуссий, в которых на равном основании должны были участвовать и молодые сотрудники ГАИМК и маститые ученые. Основные доклады и сообщения, прежде всего дискуссионного характера, пору-

чались самым знающим и авторитетным специалистам. Предлагались для обсуждения прежде всего, спорные и еще не решенные наукой вопросы. Время конца 20-х и начала 30-х годов было в этом отношении наиболее плодотворным периодом в развитии и углублении теоретических позиций и знаний в области истории и культуры. На общеакадемических научных сессиях и пленумах во время дискуссий беспрерывно присутствовал и Н.Я. Марр.

«1933 год, – вспоминает о тех далеких годах К.М., – был периодом самых оживленных и бурных дискуссий, из которых, пожалуй, наиболее напряженной и страстной была дискуссия на пленуме ГАИМКа о социальных революциях и роли классовой борьбы и рабских восстаний в греко-римском обществе.

С докладами на пленуме выступили С.И. Ковалев («Проблемы социальной революции в античном обществе»), А.Т. Тюменев (Революция VII-VI веков до н.э.), О.О. Крюгер («Рабские восстания II-I вв. до н.э.»), А.В. Мишулин («Великое восстание Спартака»), В.В. Струве («Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ древнего Востока»). Несомненным достижением ученых было опровержение теории раннереческого феодализма, безраздельно господствовавшей на Западе и распространенной в 20-х годах среди некоторых советских ученых, а также постановка ряда первоочередных проблем, прежде всего, переход к конкретным исследованиям характера труда и эксплуатации угнетенных классов: спартанские илоты, фессалийские пенесты, афинские гектеморы. Очень содержательный и богатый по материалу доклад А.И. Тюменева, сохраняющий во многом свое значение и в настоящее время, оказал большое влияние на молодых научных работников, в частности и на меня. Большим событием было выступление В.В. Струве, который впервые на большом конкретном материале обосновал рабовладельческий характер производства в обществах древнего Востока. Этот доклад произвел переворот в советской исторической науке, поскольку до этого времени не только в зарубежной, но и в советской исторической науке прочно держалась теория извечного феодализма восточных государств.

Результатом пленума было появление ряда конкретных исследований характера труда и положения угнетенных слоев населения Греции и Рима»⁸.

⁸ Там же, с. 8-9.

Вспоминая атмосферу пленума, в примечаниях к своей статье К.М. добавляет: «У тех, кто присутствовал на пленумах в ГАИМКе, они навсегда остаются в памяти. Зал Мраморного дворца переполнен. Сюда приходят не только историки, археологи и университетская молодежь. Здесь много ученых других специальностей, рабочих, педагогов, искусствоведов и людей самых разнообразных профессий, интересующихся проблемами всемирной истории. Специалисты не только Москвы, но и других университетских городов съезжались на эти пленумы. Пленум ГАИМК – это событие, далеко выходящее за пределы только Ленинграда. Здесь царил полная свобода критики, скрещивались копья, разгорались страсти и между учеными одного поколения и между молодежью и маститыми профессорами, в спорах и те и другие выступали как равные, все стремились к установлению истины. И каждый обычно считал, что именно он знает ее.

Эти пленумы, несомненно, будили мысль и требовали долгих размышлений и работы после горячки боя»⁹.

Атмосфера дискуссий и свободных обсуждений царил во всем ГАИМК'е. Не менее жаркие споры проходили и непосредственно в секторе истории древнего мира, к которому как сотрудник ГАИМК'а принадлежала и К.М.¹⁰ В публикации, посвященной памяти проф. С.И. Ковалева, К.М. вспоминает: «В тридцатые годы ГАИМК стал в области древней истории научным центром Ленинграда и Москвы. Лишь немногие теперь хорошо помнят этот период всеобщего, я бы сказала, нарастающего энтузиазма ученых в создании советской науки по истории докапиталистических обществ. ГАИМК занимал тогда часть помещений Мраморного дворца..., другая часть была занята Ленинградским Отделением Коммунистической Академии (ЛОКА).

В обширной комнате сектора древней истории и археологии, окнами выходившей на ул. Халтурина, центральное место занимал большой круглый стол, вокруг которого не реже раза в неделю собирались специалисты разных профилей, привлеченные на работу по инициативе С.И. Ковалева.

Кроме молодых ученых и аспирантов (в числе их были В.Ф. Гайдукевич, Д.П. Каллистов, С.И. Капошина, А.В. Мишу-

⁹ Там же, примечание 9, с. 8-9.

¹⁰ Позже сектор истории древнего мира был преобразован в самостоятельный Институт древнего мира во главе с С.И.Ковалевым, оставаясь структурным подразделением ГАИМК..

лин, М.С. Альтман, Н.Н. Залесский, Р.В. Шмидт, С.А. Семенов-Зусер, С.Ф. Стржелецкий, Л.М. Славин, П.Н. Шульц, А.Н. Карасев, Е.И. Леви, погибший в Отечественную войну, В.П. Лисин и другие), за круглый стол садились вместе с молодежью и маститые ученые – акад.С.А. Жебелев, акад.А.И. Тюменев, акад.В.В. Струве, Т.Н. Книпович, М.И. Максимов, Б.В. Казанский, Б.Л. Богаевский, О.О. Крюгер, Е.Г. Кагаров.

Круглый стол устанавливал равенство всех перед наукой, сам председатель С.И. Ковалев сидел там, где оставалось для него свободное место. Председательского же места не существовало вообще. В этой обстановке характерны были сочетание коллективности и доброжелательности с острой взаимной критикой при обсуждении научных вопросов. Такое тесное объединение историков, археологов и этнографов было, несомненно, очень полезным для всех членов научного коллектива. Это был своеобразный и неповторимый период собирания разрозненных научных сил, разъединенных тогда закрытием Историко-филологического факультета в университете.

Мне вспоминаются ожесточенные споры, проходившие по теоретическим вопросам, открытие истин, которые тогда казались новым озарением науки.

Особенно запомнились мне из того времени (1930-1931) дискуссии по вопросу о социально-экономических формациях и о месте древневосточных государств в системе рабовладельческой формации. Главными участниками этих споров, проходивших в течение многих месяцев, были С.И. Ковалев и В.В. Струве. В то время Василий Васильевич стоял еще на точке зрения «восточного феодализма», и споры принимали такой жаркий характер, что нередко ораторы выпивали по несколько графинов воды и делали перерыв, бросаясь к раскрытым окнам, чтобы отдышаться для новых схваток»¹¹.

Вспоминая гаимковские времена, К.М. постоянно подчеркивает творческий характер возникавших дискуссий и полемический азарт выступающих, в том числе и С.И. Ковалева, немалую роль сыгравшего в том, чтобы очистить античную науку от псевдонаучных спекуляций и отстоять строго научный подход к изучению древней истории. К.М. вспоминает: «Изучение античнос-

¹¹ Колобова К.М. Профессор С.И. Ковалев (1886-1960). // Ежегодник Музея истории религии и атеизма, т. V. М.;Л., изд.АН СССР, 1961, с. 361.

ти, проводившееся тогда в основном только в античном секторе ГАИМК, в 1931-1932 гг. отмечено исключительной по своей активности деятельностью С.И. Ковалева. В это время он выступает с докладами (позже опубликованными): «Учение Маркса и Энгельса об античном способе производства», «К вопросу о рабовладельческой формации», «Об изучении истории античности в СССР». В докладе на совместном заседании ГАИМК и ЛОКА С.И. Ковалев подверг критическому пересмотру все существовавшие того времени «марксистские концепции» по истории античности»¹². В 1932 году публикуются в «Сообщениях ГАИМК» статьи В.В. Струве, сыгравшие важную методологическую роль в развитии востоковедческой проблематики. В 1933 году выходит сборник «Античный способ производства в источниках» под редакцией С.А. Жебелева и С.И. Ковалева, над созданием которого активно поработал весь коллектив сотрудников сектора. В Известиях ГАИМК появляется принципиальная статья С.А. Жебелева «Последний Перисад и Скифское восстание на Боспоре»¹³.

Дискуссии, споры, осмысление новых путей в науке, анализ и оценка, а порой и переосмысление уже сложившихся взглядов и теоретических построений формировали новые поколения ученых, активно и творчески подходивших к решению поставленных перед ними задач. В печальные дни прощания с Ксенией Михайловной в феврале 1977 года мною было получено письмо от акад. А.П. Окладникова с сочувствием и поддержкой, в котором были и такие строки: «Дорогой Валерий, у меня нет слов, чтобы передать мое сочувствие Вашему тяжкому горю... Да и не нужно слов, и так понятно. Оба они, ваши родители были для меня людьми доброго старого времени, марровского ГАИМКа, который явился для меня истинной школой научной мысли и работы. Это – люди моей юности, хотя и старшего поколения и в этом смысле – учителя...»¹⁴

Думаю, что ГАИМК был для многих ученых гуманитарного направления настоящей школой методологических поисков и научного творчества с высоко поднятой планкой требовательности к себе и своим будущим ученикам.

¹² Там же, с. 362.

¹³ Жебелев С.А. Последний Перисад и Скифское восстание на Боспоре. // Известия Государственной Академии истории материальной культуры, 1933, вып. 70.

¹⁴ Окладников А.П. Письмо В.В. Селиванову (находится в личном архиве автора).

Именно Н.Я. как крупный ученый и азартный искатель истин мог создать такую замечательную атмосферу, своего рода – питательную среду, в которой поднимались, росли и становились крупными учеными молодые аспиранты и сотрудники ГАИМК²а. Одним из наиболее эффективных инструментов создания творческой атмосферы в ГАИМК и явились научные дискуссии, которые стали самыми яркими событиями в Академии, раскрепощая мысль ученого и постепенно очищая науку от необоснованных домыслов и спекуляций.

В своей «Автобиографии», хранящейся в Архиве СПбГУ, К.М. писала: «Со времени поступления в аспирантуру веду активную научную работу, большое влияние на мои научные интересы и на методы работы оказал мой учитель Н.Я. Марр»¹⁵. Вероятно, это была не дежурная фраза, а искреннее признание в том, что, несмотря на критическое отношение Н.Я. Марра к первой ее печатной работе, его советы, его участие в ее судьбе, его постоянный неослабевающий творческий азарт, бескорыстная преданность науке, яркий талант с особо увлекающим романтическим взглядом на будущее, высокая работоспособность, ораторское искусство, все это вместе и многое другое делало Н.Я. в глазах К.М. примером для следования указанными им путями. «Это был вечный гейзер, не деливший своих вод на струи и назначения, – свидетельствует В.М. Алексеев, – вулкан, действовавший в едином огне, и сотрясавший все вокруг»¹⁶.

Ниже в «Автобиографии» К.М. прибавляет: «По специальности моими учителями и руководителями были акад. И.И. Мещанинов, проф. С.И. Ковалев, акад. С.Л. Жебелев, проф. Б.Л. Богаевский. Им я обязана очень многим. В моем интересе к археологии и проблемам истории Сев. Причерноморья я многим обязана проф. Т.Н. Книпович и коллективу работников ГАИМК. По мере возможности я стараюсь оправдать доверие и внимание моих учителей»¹⁷.

Марксизм, но не грубо подгоняемый под политику государства, а реальный, наполненный глубоким философским содержанием и несущий в себе великие традиции немецкой философской классики, был представлен двумя крупными учеными, прежде всего – акад. А.И. Тюменевым и проф. С.И. Ковалевым. Соприкоснове-

¹⁵ Колобова К.М. Автобиография. 23 мая 1949 г. (рукопись).

¹⁶ Алексеев В.М., ук.соч., с. 64.

¹⁷ Колобова. Автобиография. 23.05.1949 (рукопись), хранится в Архиве СПбГУ.

ние с подлинным классическим марксизмом создавало ощущение свежести идей и серьезности методологических построений, в марксизме чувствовалась настоящая глубина и масштабность, которой недоставало старой исторической школе. Как акад. А.И. Тюменев, так и проф. С.И. Ковалев были представителями классического марксизма, и это не могло не сказаться и на методологии работ К.М. Новые публикации К.М. явно отражают ее стремление реализовать новые для нее методологические подходы, отвечающие основной методологической направленности кафедры и института. А.И. Тюменев и С.И. Ковалев были представителями зрелой марксистской традиции вне зависимости от общественной конъюнктуры и каких-либо указаний сверху. Н.Я. Марр с середины 20-х годов также поворачивает к марксизму, о чем свидетельствуют его отдельные статьи, такие, как «Язык и письмо» (1929), «Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком» (1929), «Сдвиги в технике языка и мышления» (1933), «Маркс и проблема языка» (1933) и др..

Образ Н.Я. Марра ярко закрепился в памяти его учеников и сотрудников. В.М. Алексеев вспоминает: «Многие из нас, встречавшихся с ним в жизни, помнят эти марровские речи, начинавшиеся как бы нехотя, вялым, полусонным голосом, рядом мало-расчлененных фраз, скорее каких-то намеков, заставок... И, вдруг, на одном слове, как на дуговом угле, человек загорался, преображался: голос крепчал, звенел, гремел – и в зале, где обычно полужвучат скупо размеренные, оглядывающиеся и оглядывающие со всех сторон скучно-бесцветные речи, воцарялся страстный пафос подлинного вдохновения; сотни мыслей бросались в недоговоренные десятки слов, торопливых, бегущих, казалось, недостаточно быстро. Чтобы скорее дать место следующим и следующим и следующим. Но... волнение, вместе с речью, кончалось, и зал все это – “принимал к сведению”...»

Но таков он был не только в зале ученых заседаний, для него как бы не существовало простых бесед. Мы видели его смотрящим на собеседника каким-то потусторонним, как бы невнимательным взором, ... но он уже окутывался предрассветной мглой вдохновенной мысли и слова собеседника служили ему как бы канвой. Его реплика шла по совершенно никем не предвиденному пути, и... несомненно, что ночью статья уже была написана.

Такой пламенный, страстный, прямолинейный, мятущийся человек не мог, конечно, при столкновении с людьми, как с анало-

гичными ему по темпераменту, так и особенно с людьми более размеренной жизни и более размеренных убеждений, не мог не причинять себе и им обид и огорчений, тем более, что в окружающей его действительности он вряд ли мог встретить людей, понимавших его во всех статьях. Однако, ведь это же была не навязанная нам, а нами самими всегда признаваемая и выдвигаемая крупная фигура, так что все потрясения наших личных чувств, он нее происшедшие, мы, мне кажется, можем и должны принять как неизбежное, тем более, что едва ли не больше всех от этого страдал сам Н.Я., и можно, вообще, представить себе всю силу его недовольства собой на его вечно вулканической почве!»¹⁸

Не только как ученого, ищущего новые подходы и перспективы в развитии гуманитарных наук, но и как организатора и создателя ГАИМК высоко ценили его коллеги по работе, с благодарностью относясь к нему и за то, как он щедро раздаривал свою доброту и внимание своим сотрудникам, постоянно заботясь в ГАИМК'е об атмосфере бесстрашного научного творческого поиска, бескомпромиссных дискуссий и критики, отвергавших всякие шаблоны и штампы, мешающие развитию творческой мысли.

Жизнь в Ленинграде в 30-е годы не была для К.М. безоблачной. Конец 20-х и 30-е годы были самым суровым и противоречивым временем в СССР. Это было время борьбы партийного руководства страны с политическим инакомыслием путем репрессий. Страдала философия, социально-экономические науки, репрессии затрагивали и этнографию, и востоковедение, и историю. Н.Я. Марр разумно выдвинул на первый план в ГАИМК'е науки о далеком прошлом – доистории, рабовладельческом и феодальном обществах. С большой осторожностью соприкасался Н.Я. с марксизмом, отдавая ему положенную дань, но в то же время имел смелость писать, что он не марксист, но в своих научных исследованиях пробивает «туннель» навстречу марксизму. В 20-е годы он позволял себе говорить, выстраивая концепцию новой науки о языке, пока только о сближении с материализмом.

Хорошо понимая и чувствуя накаляющуюся атмосферу, он выдвинул на первый план самый, казалось бы, безобидный и нейтральный феномен для всеобщего объединения гуманитарных кадров и их сохранения в стране – язык. Но, как оказалось впоследствии, и этот феномен смог стать объектом нападок и спекуля-

¹⁸ Там же, с. 64-65.

ций. Не вдаваясь в этой статье в детали и тонкости спора языковедов вокруг яфетидологии и так называемого «марризма», отмечу лишь, что этот вопрос требует более внимательного и добросовестного исследования, чтобы, выплескивая воду, все-таки спасти ребенка. Ведь следует признаться, что есть в идеях и лингвистических исследованиях Н.Я. Марра, несмотря на его некоторую чрезмерную увлеченность отдельными частными вопросами, и нечто если еще и не открытое, не осознанное до конца, но все же угаданное и прочувствованное в сложной взаимосвязи языков и культур, есть, еще недостаточно проясненное, недостаточно вышелушенное, но все же для пристального взгляда очевидное рациональное зерно! И это зерно – культура, которая существует в языке и при помощи языка, но не является языком, обладает собственной формой существования и во многом определяет фундамент исторического знания и исторические перспективы.

К.М., получившая определенную закалку правдолюбца и правдоискателя и от своего отца, Михаила Банифатовича, и от Вячеслава Ивановича Иванова, часто оказывалась, действуя по совести, в острых пограничных с арестом ситуациях.

Так было и на одном из собраний гаимковцев, когда следовало осудить вредителей по знаменитому «шахтинскому» делу. Прослушав выступление оратора, направленного на собрание от власть придержащих, К.М., считая, что обвинения прозвучали голословные, ничем не подтверждавшиеся, встала и, пробравшись между рядов, ушла с собрания, считая, что на исходя из выслушанной информации у нее нет никаких оснований для принятия самостоятельного решения – осуждать или не осуждать. Это был по тем временам рискованный шаг, но она не хотела и не могла принимать участие в такого рода собраниях, когда по одному слову выступающего следовало послушно голосовать за осуждение. А какая гарантия, что это обвинение – справедливо, а не клевета?! Можно и в более поздние времена привести примеры ее поступков, внутренне продиктованных исключительно совестью, когда она, рискуя попасть в черные списки, спасала людей своими выступлениями в их защиту вопреки складывавшейся общей неблагоприятной конъюнктуры.

Знала ли К.М. о том, что и ее пришлось спасать, защищая от подозрений и наветов, которые могли подвести ее под арест и – не исключалось – и лагеря. Шел 1933 год. К.М. уже закончила аспирантуру и была зачислена в штат ГАИМК по кафедре исто-

рии Древней Греции. Именно в этот период был арестован один из ее близких бакинских друзей писатель А.Д. Скалдин по подозрению в связях с эсерами, впоследствии погибший в 1943 году в одном из концлагерей в Казахстане. В архивных документах НКВД, ныне опубликованных, сохранились записи допроса А.Д. Скалдина, в том числе и о связях К.М. с эсерами, что вполне могло закончиться для нее арестом и гибелью. Как выяснилось по сохранившимся протоколам допросов, сотрудники НКВД интересовались личностью К.М. Колобовой, добываясь от арестованного признаний о связях ее с эсерами, в частности, с неким Д.М. Пинесом, бывшим секретарем Вольного философского общества и членом партии социалистов-революционеров, в этот период находившейся на нелегальном положении. К.М. и в самом деле встречалась и дружила с Д.М. Пинесом, как и со многими другими интересными людьми, в том числе и с писателем А.Д. Скалдиным. По протоколам допросов видно, что А.Д. Скалдин сознательно выгораживает К.М., спасая ее от ареста и опасных обвинений. Его ответы на вопросы следователя все время носят уклончивый и оправдательный характер: «Колобова, Ксения Михайловна, филолог-классик, научный сотрудник Академии Истории Материальной Культуры. Ученица Вячеслава Иванова, *но настроенная антирелигиозно с детского возраста* (выд. мной – В.С.). В Ленинграде работала как ученица *Н.Я.Марра* (выд. мной – В.С.). Яркая, сильная личность. *Примкнула к большевикам* (выд. мной – В.С.) в Тандже¹⁹ в 1919-1920 г., т.е. когда ей было лет 15-16. Была *захвачена белыми за подпольную работу* (выд. мной – В.С.) и приговорена к расстрелу. Во время приготовления к нему была *отбита красными партизанами, ворвавшимися в город* (выд. мной – В.С.). С 1928 г. определенно *эволюционировала к марксизму* (выд. мной – В.С.) и теперь *очень хорошо усвоила марксистский метод* (выд. мной – В.С.). На Пинеса имеет определенное влияние. *Под воздействием ее страстной убежденной натуры* (выд. мной – В.С.) он, очевидно, все более и более *задумывается над бесплодностью и бесцельностью эсэрства и мистицизма.*(выд. мной – В.С.). Я познакомился в ней в Баку в 1925 г.»²⁰

¹⁹ Вероятно, ошибка при расшифровке подчерка следователя: не в Тандже, а в Гяндже.

²⁰ Скалдин А.Д. Стихи. Проза. Статьи. Материалы к биографии. СПб, 2004, с. 432

Мы видим, что А.Д. Скалдин вольно интерпретирует события давнего прошлого, стремясь вывести К.М. из-под подозрения, подчеркивает, что К.М. – ученица Н.Я. Марра, что было важно для следователя, учитывая большой вес и авторитет академика в 30-е годы, особенно в 1933 году, когда на самом высоком уровне решался вопрос об организации торжеств по поводу 70-летия академика Н.Я. Марра; именно в эти дни был опубликован указ о награждении Н.Я. Марра за большие заслуги перед государством орденом Ленина; само имя академика, вице-президента АН СССР, члена ВЦИК защищало ее от опасности ареста. И, конечно, все сделал что мог для ее защиты и А.Д. Скалдин! В этот раз ее не арестовали. Возникали и другие напряженные ситуации уже после того, как К.М. в 1934 году покинула ГАИМК и по приглашению проф. С.И. Ковалева, открывшего кафедру истории Древней Греции и Рима в Ленинградском госуниверситете, перешла в штат университета.

В 1933 году правление ГАИМК'а, несмотря на протесты Н.Я., решило торжественно отметить 45-летие его плодотворной научно-творческой деятельности и 70-летие со дня рождения. В числе других мероприятий было намечено выпустить и специальный сборник статей учеников и сотрудников Н.Я., который мыслился как один из подарков юбиляру. К.М. не могла не принять в этом сборнике участие, т.к. считала себя его ученицей и была благодарна ему за все, что он делал для своих учеников и, в целом, для всего ГАИМК'а. И хотя к этому времени ее мышление изменилось и она начала все более основательно знакомиться с марксистской методологией исследования исторических процессов, интерес к которой заметно пробудился в конце 20-х и в 30-е годы и у Н.Я. Марра, К.М. приняла решение написать статью именно в ключе идей и исканий Н.Я. Марра. Она выбрала сложную тему, которая, с одной стороны, была обозначена как ответственная и важная самим Н.Я., а, с другой стороны, работа над данным материалом позволяла ей провести языковедческий анализ греческих текстов, где нарушения грамматики и различные отклонения в лексическом материале позволяли усомниться в их греческом происхождении. Так появился у К.М. замысел статьи «К вопросу о сарматском языке»²¹. Объясняя свой интерес к этой проблема-

²¹ Колобова К.М. К вопросу о сарматском языке // Из истории докапиталистических формаций. Л., изд.ГАИМК, 1933,

тике, К.М. начинает свою статью следующими пояснениями: «Название этой работы на первый взгляд – странное. О сарматском языке не только не говорили²², но обычно и не думали. Говорили об языке скифов-иранцев, скифов-осетин, скифов-индусов (санскрит)..., но о сарматском языке молчали, как замолчаны были, по существу, и особенности конкретного скифского языка, звучавшего в давние эпохи в районах Причерноморья. Один только Н.Я. Марр, поняв огромную важность местных племенных языков, поставил вопрос об их роли в процессе создания крупных племенных и национальных языков, таких, например, как русский или греческий, “чистота” и “культурность” которого столь тщательно охранялась старой индоевропейской школой языкознания. И разве мог, с ее точки зрения, язык “благородных просветителей, насаждавших гуманность и культуру в варварских странах”, стоять в зависимости от языка “варваров”? Один только Н.Я.Марр, беспощадно разрушая эти старые и отживающие представления, неоднократно призывал нас к внимательности, предлагая “первому серьезному яфетидологу” сложить самого Олимпийского Зевса “в корзину яфетического наследия”... Скифский язык не изучается, его место в процессе образования языков еще далеко не выяснено, несмотря на то, что скифами занимаются “упорно и внимательно”. И разве не странно, что у нас в пределах Академии истории материальной культуры до сих пор еще кажется возможным заниматься Грецией, не занимаясь изучением греческого языка, и заниматься скифами, не только не ставя проблемы о языке-мышлении скифов, но даже не учитывая того, что уже сделано в этой области Н.Я.Марром?»²³. Сам язык этой статьи напоминает в определенных местах, хлесткий заостренно полемический язык самого Н.Я. Всю статью пронизывает стремление конкретизировать идеи Н.Я., обращаясь – и это постоянная особенность

²² Там же, с.416; Тут следует сноска, которую не хотелось бы пропустить в характеристике опубликованной работы; привожу ее полностью: «имеется, правда, работа Müllenhoff’a “Ueber die Herkunft und Sprache der pontischen Scythen und Sarmaten” (Monatsbericht der K.Preuss. Acad. d. Wissenschaften, 1886), но, по существу для восстановления реального языка скифов и сарматов она ничего не дает и даже в среде индоевропейцев считается устарелой. Имеется работа М. Vasmer’a “Die Iranier in Südrussland”, L., 1923. О ней я буду говорить в связи со скифо-сарматским словарем»

²³ Колобова К.М., ук.соч., с. 416-417.

работ К.М. – к конкретному, позволяющему определенную «прочитаемость», материалу. В данном случае К.М. обращается к материалам, связанным с изучением и раскопками Танаиса.

Определяя цели и задачи публикации, К.М. пишет: «Настоящая статья отнюдь не претендует на полный охват имеющегося материала, дошедшего до нас как в собственных именах негреческого типа, так и в встречающихся в избытии топонимических и этнических племенных названиях. Задача ее лишь в простановке проблемы о сарматском языке (по строю речи, повидимому, близким к скифскому) на материале, которым еще никто для этой цели не пользовался»²⁴.

Обосновывая и объясняя свое исследование, К.М. подчеркивает: «Наиболее благодарной для нашей цели материал дает нам язык наиболее негреческого торгового поселения – Танаиса. Поэтому мы и сосредоточим на нем свое внимание.

Разбираемые нами надписи относятся к двум группам – списки фиаситов и памятные записи о постройках. И в том и в другом случае мы имеем дело с элементом далеко не чисто греческим»²⁵.

Само назначение Сборника – поздравить Н.Я. с 45-летием его плодотворной научной деятельности и 70-летием со дня рождения – побуждало К.М. вновь обратиться к проблематике, которая для Н.Я. была особенно значимой. И К.М. обращается если и не непосредственно к яфетидологии, то, по крайней мере, к близкой и отмеченной самим Н.Я. проблематике. Этой статьей, по-видимому, она стремилась подчеркнуть свое стремление поддерживать Н.Я. в его наиболее ярких и порой неожиданных идеях. Статья задумывалась и писалась, вероятно, как поддержка Н.Я., когда определенные языковедческие круги ставили под сомнение научную значимость его идей и наблюдений.

Зная характер Н.Я., с большой степенью достоверности можно было бы предположить, что Н.Я., если бы получил посвященный его юбилейной дате Сборник, он обязательно тотчас же познакомился с его содержанием, возможно, пролистал бы и статью К.М., провоцировавшую его на новую встречу, делая на ней карандашные отметки. Но судьба распорядилась иначе, и новая встреча уже состояться не могла. В последние два роковых года – 1933 и 1934 – он был особенно загружен многочисленными делами и забота-

²⁴ Там же, с. 417.

²⁵ Там же, с. 418.

ми. Последняя в его жизни командировка на Кавказ, последнее выступление в Тифлисе с докладом, посвященном истории Кавказа, последнее посещение Абакстиумана, его родины, где по-прежнему проживал его сын. Осложнение от гриппа, который он перенес в гостях у сына, создало препятствие для реализации его планов, но, чуть оправившись, он вновь вернулся в Тифлис, затем – он уже в Ленинграде, вновь командировка – теперь в Москву и возвращение на заседание в Институте языка и мышления. И здесь внезапно сказалось его накопившееся переутомление – во время заседания ему стало плохо и потребовалась медицинская помощь.

Год 1934-й проходил, подавая надежды на полную поправку, врачи отправили Н.Я. в Крым, но там он не отдыхал, а напряженно работал, и по его возвращении его здоровье заметно ухудшилось. В ночь с 19 по 20 декабря 1934 года, ему исполнилось ровно 70 лет, и его жизнь оборвалась.

К.М. с напряжением и страхом следила за каждодневными, то дающими надежду, то вновь тревожными известиями о здоровье Н.Я. Она присутствовала на том пленуме ГАИМК в 1933 году, когда внезапно Н.Я. стало плохо. Она понимала, что ничем ему не может помочь, и от этого ей было еще труднее переносить эти месяцы тревог, когда надежды сменялись горестными предчувствиями и новыми надеждами. Вместе с К.М. с тревогой следил за информацией о здоровье Н.Я. и ее муж, Владимир Иванович, продолжавший в этот печальный год нести свои обязанности ученого секретаря ГАИМК.

Но статья К.М., опубликованная в посвященном Н.Я. Марру сборнике, не осталась незамеченной. На ее публикацию откликнулся своей рецензией Е.Г. Кагаров.²⁶ Он не был учеником и последователем Н.Я.Марра и потому придирчиво стремился указать К.М., что ее работа, следующая за идеями Н.Я.Марра, по своему истоку уже не может быть убедительной. В этом случае К.М. не могла не ответить своему рецензенту, защищая уже не столько свою работу, сколько те позиции и положения Н.Я. Марра, на которые она опиралась, как и честь и достоинство своего ушедшего из жизни учителя. В № 1-2 «Проблем истории докапиталистических обществ» за 1935 год мы видим новую публикацию К.М. «Еще о сарматском языке (Ответ Е.Н. Кагарову)»²⁷. В ней К.М.

²⁶ См.: Проблемы истории докапиталистических обществ, 1934, № 9-10.

²⁷ Колобова К.М. Еще о сарматском языке (Ответ Е.Н. Кагарову) // Проблемы истории докапиталистических обществ, 1935, № 1-2, с. 192-196.

убедительно отвергает многие замечания рецензента – одни как недоброкачественные, построенные на передергивании смысла, другие как необоснованные, построенные на предположениях без доказательств. Вместе с тем К.М. настаивает на том, что статья изначально заявлена не как объявление истины в последней инстанции, а как научная гипотеза. В подтверждение этого она пишет: «на стр.427 я определенно заявляю: “данным выводам не придается характер категоричности. Это лишь гипотеза, попытка, в значительной мере лишь методологическая (в частном значении этого слова), подойти к языку местного населения из анализа искажений греческого языка”». Этой оговорки уважаемый рецензент как будто не заметил»²⁸. Отвечая Е.Г. Кагарову по существу сделанных им замечаний, она отмечала: не только в надписях Танаис встречаются искажения греческого языка, но и в других местах, что позволяет Е.Г. Кагарову утверждать, что, «следовательно, необходимо: или отбросить гипотезу о сарматском влиянии, или признать наличие сарматов не только в Сарматии, но и в других, явно неподходящих для сарматов местах, например, в Аркадии».

И тут раскрывается главное звено спора, связанное с полемикой вокруг двух направлений в развитии науки о языке – традиционного индоевропейского, которое защищает Е.Г. Кагаров, и марровского, на которое в данной статье опирается К.М. Отвечая своему оппоненту, К.М. пишет: «Е.Г. Кагаров исходит из привычных предпосылок индоевропейского языкознания об этнически определенных и этнически разобщенных языках: сарматский язык есть язык определенной народности, сарматов, сидевших по берегам Меотиды, и, обратно, – сарматы, сидевшие по берегам Меотиды, во все времена своего существования говорили на особом, специально сарматском языке. Я же *пыталась исходить* (выд. мной – В.С.) не из этих индоевропейских установок, но *из установок нового учения о языке* (выд. мной – В.С.), основателю которого и была посвящена моя работа. *С точки зрения этого учения* (выд. мной – В.С.), *утверждающего* (выд. мной – В.С.) не этнические, а *стадиально-социальные различия языков* (выд. мной – В.С.), осуществляющиеся *в рамках единого глоттогонического процесса* (выд. – В.С.), отнюдь не было бы нелепостью признать, что когда-то “и в Аркадии жили сарматы”

²⁸ Там же, с. 193.

понимая под “сарматами” языковую среду той же стадии, на которой находился сарматский язык, влиявший, по моему предположению, на языковую структуру греческого языка в танаидских надписях»²⁹. И далее в примечании: *«Из сказанного, конечно, не следует, что употребление ἐπί cum dat. (выд. мной – В.С.), встречающееся, по указанию Е.Г. Кагарова, в аркадских надписях, я объясняю “сарматской стадией аркадского диалекта”*. Вообще, отмечая в числе других “неправильностей” танаидских надписей и ἐπί cum dat. для обозначения “во времена кого”, *я не строю на этой особенности решительно никаких выводов»*³⁰. Самостоятельность суждений и оценок К.М. и здесь отчетливо сказывается, позволяя почувствовать ее внутреннюю независимость суждений и добросовестность не только научную, но и нравственную, отдавая последнюю дань своему учителю и защищая его учение от нападков противников и придираков, необоснованных достаточным количеством необходимых в данном случае аргументов.

По случаю утраты Н.Я. на страницах газеты «Правда» от 21.XII.1934 г. были опубликованы прощальные слова президента Академии наук СССР академика А.П. Карпинского, который так охарактеризовал Н.Я.: «Живой, энергичный, темпераментный он принимал горячее участие в научной и общественной жизни. Принадлежа к старейшим членам Академии (он был избран 25 лет назад), Николай Яковлевич хорошо знал ее нужды и принимал их близко к сердцу. Как в области своих научных исследований, так и в общественной работе он проявлял необычайное рвение и юношеский пыл. Если можно было иногда не соглашаться с его взглядами, то искренность их не подлежала никакому сомнению, и поэтому они заслуживали и уважения, и внимания.

Академия теряет в лице Марра крупную, яркую фигуру научного работника, действительно отдавшего науке всю свою жизнь, а академики – хорошего и надежного друга»³¹.

Эти простые, искренние слова А.П. Карпинского в равной степени подчеркнули главное в образе Н.Я. – его горячий темперамент, преданность науке, проявление творческой активности во всяком порученном ему общественном деле, порядочность, искренность и надежность в сотрудничестве с коллегами.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же, сноска 1.

³¹ Карпинский А.П. Тяжелая утрата. // Правда (газ.), 1934, 21.XII, с. 1.

Смерть ученого была пережита К.М. как личная катастрофа. В сохранившихся записях К.М. о траурном дне похорон Н.Я. есть строки, где она с осуждением писала об официозе, доминировавшем на траурной церемонии, что, по ее мнению, вступало в резкое противоречие с открытой, темпераментной, всегда искренней и живой натурой Н.Я. Марра. До конца жизни на стене около письменного стола в домашнем кабинете К.М. висела фотография Николая Яковлевича. Он был сфотографирован в фас с сосредоточенным выражением лица, обращенным к слушателям и слегка приподнятой рукой, также обращенной к слушателям.

К.М. всегда была благодарным его слушателем. Ей нравился его темперамент, азарт, его неожиданные в устном выступлении экспромты, его томительные доклады, их богатую интонированность и звучность, его произношение с легким грузинским акцентом, придававшее особый колорит его речи, то спокойной и размеренной, то с эмоциональным напором, увлекавшим слушателя в какие-то неизмеримые новые повороты его никогда не дремлющей мысли.

В ее памяти запечатлелся образ высокого и худого мужчины в темном пиджаке, прикрывавшем белоснежную рубашку и строго повязанный галстук. Лицо Н.Я. было подвижным, выразительным. Из-под густых черных бровей смотрели на аудиторию то бесконечно усталые, то вдруг загорающиеся какою-то важной мыслью черные зрачки. Прямой с легкой горбинкой нос снизу прикрывался прихваченными проседью усами. Подбородок был украшен острой «академической» бородкой также с проседью. Волосы на голове не были пышными, на всегда аккуратно подстриженными и слегка взлохмаченными от прикосновений руки. В ходе выступления жесты его были сдержанными, но полными энергии и силы. Таким остался он в памяти Ксении Михайловны и Владимира Ивановича, таким его вспоминали и многие те, кому довелось с ним встречаться и беседовать.

Не только яркие формы проявления личности Н.Я. стали основой для воспоминаний о нем у К.М. Чтение его работ, общение с Н.Я. углубило в самосознании К.М. интерес к постановке вопросов, связанных с генезисом, происхождением того или иного исторического или социального явления. В этом случае она по-своему разработала и продолжила традицию социогенетических исследований. У нее сохранился интерес и к расшифровке надписей, в том числе связанных с находками в Крыму, где соприкаса-

лась греческая культура с культурами степных племен, прежде всего скифов и сарматов. Не в меньшей мере К.М. всю свою жизнь стремилась поддержать и традиции комплексного подхода к истории культуры, объединяя в своих подходах археологические, лингвистические, филологические, философские и исторические проблемы и интересы.

Когда по инициативе проф. С.И. Ковалева на историческом факультете Ленинградского государственного университета была создана кафедра истории Древней Греции и Рима по приглашению Сергея Ивановича в 1937 году К.М. покинула ГАИМК и перешла на работу в университет. В учебный 1937-38 год по совокупности научных работ К.М. получает ученую степень кандидата исторических наук и ученое звание доцента.

Со смертью Н.Я. Ксения Михайловна все более отходила от яфетидологических взглядов, хотя сохраняла и продолжала следовать тематике, связанной с генетическими подходами и комплексностью восприятия и оценки памятников. Она оставалась верной памяти Н.Я. как яркой, выдающейся личности, умевшей пробуждать интерес к инновационным проектам, увлекать силой своего воображения и подавлять обширностью знаний.. После кончины Н.Я. Марра в ее исследованиях обозначился новый этап, проявивший и масштабность, и глубину ее последующих научных исследований. Но образ Н.Я. Марра сохранялся в ее сознании как человека, беззаветно преданного науке, и никакая идеологическая критика Н.Я. Марра ею не бралась в расчет, даже тогда, когда критиком Н.Я. Марра и его последователей выступил сам И.В. Сталин.

Известно, что в 1950 году, после долгих переговоров с группой грузинских языковедов, а также их российских единомышленников, И.В. Сталин опубликовал свои суждения о некоторых основополагающих идеях Н.Я. Марра в центральной газете «Правда» от 20 июня 1950 года. Это был большой материал под общим названием «Относительно марксизма в языкознании». Затем, по ходу общей дискуссии, направление которой было уже задано опубликованным материалом, И.В. Сталин продолжил свою критику Н.Я. Марра, все более распаляясь и обретая все более резкую интонацию в своей критике. Таким стал материал от имени И.В. Сталина «К некоторым вопросам языкознания. Ответ товарищу Е. Крашенинниковой» (Правда, 1950, 4 июля). Далее – «Ответ товарищам. Товарищу Санжееву», «Товарищам Д. Белкину и С.

Фуреру», «Товарищу А. Холопову» (Правда, 1950, 2 августа). От 20 июня по 2 августа 1950 года И.В. Сталин держал в напряжении своих читателей, все усиливая и усиливая свою критику и Н.Я. Марра и его учеников и последователей. Правда, надо отдать И.В. Сталину должное – ни в одной из публикаций он не изменил общего стиля, подчеркнуто фиксируя фамилию академика вместе с инициалами – Н.Я. Марр. И это был единственный случай в тексте И.В. Сталина, где упоминавшегося человека он называл не Мещаниновым или Санжеевым, не Д. Белкиным или С. Фурером, а именно подчеркнуто – Н.Я. Марром.

В 1950 году эти материалы были опубликованы все вместе единой брошюрой: И.В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. М., 1950, 55 с. За этим последовали отречения, обязательность ссылок на работу И.В. Сталина вне зависимости от тематики работ, прошли «научные» конференции, на которых восхвалялся гениальный труд И.В. Сталина, а также – начались репрессии, отстранение от работы тех, кого именовали «марристами», т.е. тех, кто не покаялся, кто так или иначе поддерживал идеи Н.Я. Марра и продолжал начатые им поиски и исследования. Это – особый сюжет, достойный специального обсуждения.

Из биографии К.М. известно, что в 1952 году по инициативе одного из профессоров Ленинградского университета была подвергнута идеологической критике монография К.М. «Из истории раннегреческого общества (о.Родос IX-VI в.в.)»³². В «Автобиографии» (1959 г.) К.М. записала: «В 1952 г. Парткомом Университета мне был вынесен выговор (строгий выговор) за потерю политической бдительности, выразившуюся в неразоблачении коммуниста Корнатовского, которого тогда считали троцкистом, а также за игнорирование работы т. Сталина в моей книге “Из истории раннегреческого общества”, где я не сослалась на его работу “Марксизм и вопросы языкознания” и не разработала эти вопросы в книге, которая к тому времени уже прошла верстку. В 1953 г. выговор был снят»³³. Одним из двух представленных обвинений было, как мы видим, обвинение ее в том, что она в своей монографии нигде не упомянула о «гениальной» работе И.В. Ста-

³² Колобова К.М. Из истории раннегреческого общества (о.Родос IX-VI в.в.). Л., изд. ЛГУ, 1951.

³³ Колобова К.М. Автобиография. 1959 (рукопись), в Архиве СПбГУ., л.59-60.

лина «Марксизм и вопросы языкознания», не было этой брошюры и в списке использованной литературы, не было на нее положенных обязательных ссылок, что шло вразрез с начатой компанией гонений на «марристов». Объявленный строгий выговор вскоре был снят. Но книга на основании «критики» была исключена из списка работ, представленных на университетскую премию, и оказалась в списках «порочной» литературы. Но это была бы не Ксения Михайловна Колобова, если бы она позволила себе хотя бы упомянуть эту брошюру И.В. Сталина, которая так оскорбительно в ряде мест и так несправедливо обошлась с именем Николая Яковлевича Марра, его учениками и последователями.

